

Иосиф Гальперин

**ЛАКОВАЯ
МИНИАТЮРА**

и другие рассказы

16+

Иосиф Гальперин
«Лаковая миниатюра»
и другие рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гальперин И. Д.

«Лаковая миниатюра» и другие рассказы / И. Д. Гальперин —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-97990-1

Сборник непрдуманых рассказов — лирических, иронических, философских, публицистических. О любви и смерти, современных войнах и бунтах, людях и животных, литературе и памяти. Многие из рассказов публиковались ранее в журналах «Знамя», «7 искусств» (Германия), «Зарубежные задворки» (Германия), в альманахах и сборниках, выходили в книгах автора в России и Болгарии. В таком объеме собраны впервые. Автор — лауреат первой премии «Писатель года 2015», Чеховской премии, медали Ивана Вазова (Болгария). В обложке книги, созданной Виктором Улиным, использована картина члена Российской Академии художеств Сергея Краснова.

ISBN 978-5-532-97990-1

© Гальперин И. Д., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Шведская штучка	5
Медуза	8
Берег святого Дионисия	10
Геометрический орнамент	14
Паразитарные записки	18
Виagra власти	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Иосиф Гальперин

«Лаковая миниатюра» и другие рассказы

Шведская штучка

По привычкам своим, по прихотям немолодого тела, по звукам вокруг дома можно чувствовать время, не глядя на часы. Проснулся, едва светает, петухи не поют, собака, старательно лаявшая в темноте, молчит, козы колокольцы собирающегося стада не звякают. Часов пять, наверное. Часы по-прежнему представляю себе сразу механические, считаю по ним в воображении действия, которые надо будет предпринять, хотя вроде теперь план наступающего дня не зависит от жестких временных рамок. Не нужно, но иногда, встав, надеваю на руку. И потом поглядываю.

Подарок. Виктор его долго выбирал, тщательно сверяясь с интернетом, спрашивал, какие функции мне сейчас важны. Я сам попросил, когда сломались фирменные, что купил в самолете дьюти фри. Красивые, серьезной марки, с отдельными циферблатиками, с автоподзащитой и влагоустойчивые. Когда сломались, выяснилось, что поддельные, китайские. Нынешние часовщики, способные лишь менять фирменные детали, сказали, что починить не смогут, это повторялось в разных городах и странах. Только Иван, любимый дядя зятя, его постоянно действовавший ориентир, взялся починить. Когда-нибудь, когда его инженерные руки дойдут. А Виктор решил, подстраховывая дядю, пока новые мне подарить, японские, с многолетней батареей. И получилась двойная память.

Не починил Иван, не успел, погиб. Он знал о сопровождавшем его профессиональную жизнь риске, говорил о разных его вариантах, но окружающие, хоть и тревожились, были как зачарованы силой его ума и тела. Один из вариантов и сработал...

Виктор был потрясен, наверное, больше всех. Через несколько месяцев он, в самом расцвете, умный и негибачный, тоже ушел. В немногие редкие летние дни, когда мы бывали вместе, вокруг него вращался наш маленький мир. Дочь моя и дочь его были с ним в каждодневной гармонии, он и нас включал в свою опеку. В последний день на берегу заботился пристроить случайно привязавшегося щенка, и к ним выходил из кустов, не стесняясь и не сворачиваясь, маленький еж и лежал на его большой ладони.

Виктор погиб от того, от чего предостерегал нас накануне расставания (мы раньше уезжали), на мелкой гальке обтирая блестящее после двухчасового заплыва тело. Он говорил тогда:

– Прошу прощения, видите во-он те скутера? Осторожнее, они носятся, не замечая людей.

А сам... В километре от берега, где, казалось, нет никого, попал под бешеный трехмоторный глиссер нувориша. Ну и чего стоят все наши предосторожности, прогнозы?

От людей остались часы, одни около меня, до сих пор батарейку не менял, другие – в ящике вместе с другими механическими поделками, в доме вдовы. Непричастная внутри себя внешняя память о том, о чем мы не забываем.

На рассвете можно на них не смотреть, а можно глянуть на портативную метеостанцию, стоящую над изголовьем. Там же много всего, даже если точное время тебе сейчас ни к чему, можешь, например, прогноз погоды узнать. Хотя сейчас эти прогнозы лезут отовсюду в глаза и уши – и радио, и телевидение, и компьютер, и смартфон. А этот показывает не только температуру и давление именно данного дня, но и графики изменений рисует, фазы луны обозначает, влажность... Шведская штучка. Друзья из Москвы привезли, сам напросился на подарок.

Когда-то я писал: “Прошу погоду объявлять точнее, чтоб мог на завтра предсказать себя...” Метеозависимость за сорок лет не исчезла, добавились категории, влияющие на состояние. Давление теперь впрямую можно сравнивать: внешнее и внутреннее, как температуру снаружи и внутри. Разница зависит от толщины стен – во втором случае, и стенок сосудов – в первом...

Правда, с цифрами давления в метеостанции доступны приемы самогипноза. Для точности показаний она требует указать высоту над уровнем моря. Как-то раз я этого не сделал, наши 560 метров не установил, – и станция показала что-то совсем угрожающее и растревожившее, а когда спохватился и выставил нужную отметку – сразу отлегло. Вот что делает с человеком вторая сигнальная система! И он вмешивается в жизнь, сверяясь с неверным прибором. Если давление низкое – будет дождь, огород поливать не надо. Впрочем, дождь ведь не только от давления зависит, есть еще и влажность, ее-то не подделать. И помидоры не обманешь. Так ведь и себя всерьез не уговоришь: заполошный ранний мотор рявкнет – и снова подскочило. Вот и лежи, снова думай о хорошем, смиряй себя...

Впрочем, здесь ведь и время, вместе с батарейками, надо устанавливать вручную, дни, месяцы и годы. А иначе откуда серая коробочка взяла бы дни недели и фазы Луны? Датчик на улице этого не покажет и в комнату не передаст...

Чем только не забьешь голову, лишь бы отвлечься. Можно ли вторжение колонны муравьев в дом назвать эффектом присутствия? А носорогов? Прошлое атакует колоннами с другой стороны, пользуясь тем, что обеднело настоящее. Да еще предрассветная тишина, пустота высасывает из запасников мозга то, что там живет, притаившись.

Но если, меняя показатель высоты, меняешь показатель давления, даже и ощущение его, то может быть, произвольно ставя числа в календарике, можно почувствовать другое время? Бог с ней, с реальностью, включаешь себя, пусть в одиночку, в тот мир, от которого в сию минуту вроде не зависишь. То есть бывший мир, прошедший уже, ушедший – мертвый? Ты же не потащишь за собой ни живущих рядом, ни даже электронную почту.

Но самовнушение-то действует, ты же пробовал представить себе, как “пар” от взвинченных мозгов сквозь кожу пробивается в корни волос и по ним расплывается в воздухе, освобождая тебя от боли и перенапряжения. Ну, обрати этот фокус во время. Если гонишь календарь вперед – новые надежды, если назад – подгоняешь действительное под желаемое, задачу под ответ. Мол, получилось, как и было суждено...

Будущее. Скажем, установил 2050 год и подсмотрел что-то с помощью личной машинки времени, что там в год моего столетия? Нет, не хочется, пусть идет как идет.

А прошлое? События не изменишь, но ощущения... Какой из дней хотел бы оживить в красках и запахах? Хотел бы вернуться к чему-то написанному и переписать? Возможно, но для этого машины времени не нужно. Может, хотел бы испытать удовлетворение от написанного, испытать именно в момент, когда точку поставил? А нет такого текста. Или был, но забыл – и не представить, к чему хотелось бы прикоснуться снова. Нет, есть которые и сейчас нравятся, но был ли ты счастлив, написав, понял ли сразу, что попал?

Подумай о бескорыстном счастье, оно не обманет. Ты же когда-то писал о Крыме, об одиноких блужданиях по раскаленной зноем земле, о долгом плавании под водой. Так хотелось поделиться этим состоянием, вел стихотворный психофизический репортаж.

Это же ты возил в Крым дочерей, привязывал их к этим волнам, раскаленной гальке и рыбам, закладывал именно эти радости в определитель хорошего! Это же ты агитировал Виктора поехать на море, поплавать там по пяти заброшенным бухтам, это же ты настаивал на масках и ластах, на долгом парении над камнями!

И вот спустя годы он смотрел на тебя профессионалом, он стал им, преодолевая поврежденный позвоночник, он переформатировал свое тело – безо всякой машинки времени...

Вернуться к тому мигу, когда он заботливо и победительно объясняет тебе, чего стоит опасаться.

Медуза

Метров двести от берега их было много, приходилось лавировать по глубине и на плоскости, маска и трубка оказались нужны не для поиска интересного, а для обзора, для защиты боков и ног от прикосновений. Все время вертел головой и поневоле рассматривал медуз. Вот почти совсем белые, маленькие – с кулак, вот здоровые тарелки с голубой каёмочкой – мечта Бендера! А вот сплошь синие, созревшие, как баклажаны.

Возвращаться пришлось тоже проталкиваясь, но уже сквозь толпу плещущихся на мели, а не сквозь медуз. Отдельной кучкой в воде по пояс держались подростки, точнее, их держали энергичные накачанные тётки разных размеров и утомлённые ими пловцы-аполлоны, свистки были у тёток. Подростки, тётки и аполлоны представляли какой-то “кэмп”, в этот греческий лагерь их привезли из Сербии. Наши внуки тоже летом вывезены на пару недель в такие же “кэмпы” в России, интересно, без пионерской атрибутики, которую обессмертил фильм “Добро пожаловать!”, что соединяет прежде незнакомых подрастающих людей?

На песке у кромки живописно расположились три грации разных объёмов, рассыпая вокруг окурки. Олимпийский бог им судья, а сам Олимп – за головами, за отельчиками, за деревьями чаще всего окружен облачной чередой разной плотности. С берега престол Зевса не виден, но когда накануне мы поднимались в национальный парк, двуглавая вершина перед нами обнажилась.

Вышел, обходя граций, и обнаружил у себя справа под рёбрами маленькое красное пятно, ожгла всё-таки синяя с каёмочкой! Прости, дорогая, за толкотню в твоих пределах, я старался, Посейдон свидетель, увернуться. На соседних лежаках семья с детишками, показал им рапанчика и неизвестную мне круглую двустворчатую ракушку размером с большое яйцо, и Люба понесла моллюсков обратно в Эгейское море.

Непионерский лагерь по свистку вышел на берег. Колготятся, дурачатся, здесь лидером – самый энергичный, не обязательно самый дурашливый или глупый, но тот, кто быстрее переводит свои побуждения в действия, заражает общепонятными, то есть – чаще всего примитивными, разрушительными импульсами остальных. Всё-таки здорово отличаются дети в семье – и в коллективе: в хорошей семье видят с рождения особенность каждого, а в коллективе, тем более слепленном на короткое время, главное – общие требования, общие эмоции, не различия, а слияния.

Вот и сейчас человек пять мальчишек и девчонок носятся змейкой за крепким паренком, который, как сержант с флажком, ведущий по мостовой группу солдат, меняет их направление палкой с какой-то синей тряпкой. Чёрт, так это же медуза! Обезвоженная и потому утратившая свою круглую величественную гармонию. Распадается на склизкие хлопья. Что она им сделала? Слишком приблизилась к берегу. Не понимают, что эти бессмысленные отрепья – остатки чьей-то жизни, нашей общей жизни, они даже не смогут накопленную медузой живую субстанцию присвоить, переработать, сохранить труд живой клетки...

... Конечно, я не так чётко и развёрнуто тогда подумал, но в том сгустке, импульсе, перерабатывавшем увиденное, это было. А главное было: неразумные детёныши! Как бы вам потом не отрыгнулось...

Отозвалось, получается, гораздо масштабнее. Я ничего не выдумываю, в том числе – и свои беглые проблески, просто излагаю случившееся в прямой последовательности. Не знаю, потому что мы на следующий день уехали, оставались ли на Олимпийские ривьере маленькие “лагерники”, но вообще по отдыхающим, да и по местным тоже, ударило крепко. Станет ли Зевс разбираться, кто из людишек напортачил, испортил близкую к нему сферу! Через несколько дней солнышко с легкими тучками вокруг олимпийского престола сменил мощнейший циклон, мгновенно похолодало градусов на двадцать, за сутки выпало, как сообщили на

следующий день медиа разных стран, до 180 литров осадков на квадратный метр здешних лесов, полей и песка.

В Северной Греции погибло несколько человек, наводнениями размыло дороги, смыло мосты на вздувшихся речках, при нас выглядевших пустыми руслами. Ливни с грозами, с мерцающим лесом молний, присущих громовержцу, ударили по пространству от Хорватии до Стамбула.

Уникальность циклона объяснили тем, что его центр стоял прямо над Салоникским заливом, отсюда такие редкие для этих мест в июльскую жару глубокие метаморфозы.

Циклон назывался “Медуза”.

Берег святого Дионисия

Устал. Так, как и хотел: лишнего не оставил, только чтобы выползти на берег, снять тяжеленные цельнолитые ласты и растянуться на толстой перине песка. А уже потом дойти до домика и выпить вина. Холодного, домашнего, в таверне взяли. Сразу сил добавляет.

Их за два часа взглядывания сквозь укрупняющий аквамарин, цельный на многие километры кристалл ионической воды, потрачено немало: надо же было в маске с трубкой не просто висеть над рыбами и между ними (крупные – парами, мелкие – компаниями, пусть и разной породы), а и двигаться их путями между камней, опускаться на дно. Ты же тоже “рыба”, тебя же тянет к любой луже, не то что в такие пустынные от человеков глубокие места!

Видел даже морскую черепаху, похожую сверху на резиновую четырехвесельную лодку снизу. Сейчас в сентябре они редкость у этих берегов, только те единицы, кто в Ионическом море постоянно курсирует, а в конце весны со всех просторов Средиземного моря черепахи сплываются к нашему берегу Закинфа, здесь у них в чистых глубоких водах простор для свиданий, а рядом сразу и роддом. Жаль, не увидел въявь это зрелище, когда они сотнями выползают на берег и мощными лапами роют в песке метровые ямы, чтобы отложить в них яйца. Хочется прилететь сюда в мае, посмотреть.

Классное место у маленькой гавани за берегущим ее от штормов островком, по прошлому разу запомнил. Надо еще не терять ориентации: в какой стороне оставленный берег, как сказали бы спортсмены-парусники – не рыскать по курсу. Ну вот и выплываю, кажется, к знакомому дощатому маленькому пирсу...

Две одетые девицы, одна даже в очках. Не пускают на берег! Говорят на всех европейских языках сразу и показывают на палку с табличкой, вкопанную в песок, на ней черепашонок растопырил лапки. Видел я таких, бежали они, отряхнув прах скорлупы, от материнских кладок, бежали в сторону большого материнского моря. Так вот, оказывается, с семи часов вечера волонтеры со всей Европы не допускают никого на пляж. Чтобы никто не вздумал помочь черепашонок добраться до волны, ее урез – пограничная полоса этого патруля.

Вон в 50 метрах домик, где меня ждет жена с вином! – показываю (каракатицам? Нет!) Карацупам. Они с непреклонностью Джульбарса (это мифическая пограничная овчарка, впрочем, у Карацупы, бывшего в моем детстве всеобщим героем, пса звали Индусом) показывают мне на волну. Да не трону я ваших неуклюж, пусть по лужам мимо бегут, смешно и мультяшно переваливаясь, хотя сразу хочется подсобить. Чего допустить нельзя, тогда черепашонок не будет знать дорогу к малой родине и через много лет не приползет на этот берег, чтобы тоже заложить кладку.

Тут девицы пугают штрафными санкциями, говоря, что мое декларируемое намерение не мешать природному ходу событий – вещь зыбкая, а запрет – абсолютный. Заодно обращаются к святому – к моему экологическому сознанию. Для меня это безотказный пароль. Нет, я лучше, как нормальный герой, пойду в обход. В обход – это куда? По всему пляжу такие же патрули, значит, надо туда, где можно выйти не на пляж.

Вправо пойдешь – очень симпатичные скалы, плоские и длинные, но от них дороги к нашему бунгалу нет, надо все равно через пляж. Несколько дней назад на границе скалы и песка стояла пару часов Люба. Я далеко заплыл, а вернуться вплавь мешали усталость и прибой на скользких камнях, выбрался на них повыше и прыгал, взглядываясь в далекую фигуру, кутавшуюся в кимоно. Люба меня не видела, ждала из моря, я не мог понять, почему она стоит на ветру, не присядет на песок. Подошел, сказала: “Я тут как Пенелопа... Среди наглых женихов”. На песке расположились недвусмысленные нудисты, о которых мы утром не подозревали, когда я ее оставил, уплыв. Даже какая-то сладкая мужская парочка.

Насчет Одиссея – неслучайная ассоциация. В десяти километрах от нашего Закинфа, через пролив, если приглядеться – слегка приподнятая темная размытость, остров Итака. Вотчина царя Одиссея, который и Закинфом владел, и его с Пенелопой потомки владели – лет шестьсот наш ионический остров входил в их островную империю. На Итаке и вправду когда-то стояла Пенелопа на берегу. Ну не пару часов, а дольше, хотя не все подряд...

Нет, берег моей Пенелопы не подходит. Придется влево плыть, туда, откуда только вернулся, к гавани, к асфальтовой дороге, которая с тылу может привести к нашему туристическому шалашу. Черт! Опять натягивать ласты. Натерли, все-таки, пальцы даже сквозь носки. А вот маску с затылка сдвигать не буду, пусть лицо отдохнет, да и плыть поверху быстрее. Думаю, за полчаса доберусь до места, где кончается этот гадский черепаховый пляж-роддом.

Скользишь над камнями и рыбами, которых только недавно рассматривал, теперь без маски их не увидишь, даже опустив голову. Правда, свет был прямой, пока я тут крутился, а сейчас солнце подсело, бликует по волнам, уже и они поспели к вечернему бризу. Успеть бы до темноты вернуться! Интересно, как там в пляжном тылу идет дорога. Мы когда ходили мимо тысячелетних олив, коренастых и рукастых, останавливались на каждом перекрестке. В харчевнях обычно пусто, больше знакомых хозяина, делящих с ним кувшинчик, чем туристов. А какие огромные красные оливки! Или маслины?

Один раз пустились в большое путешествие, ездили по здешним горам. На самом крутом обрыве, метров двести над морем, стояла тоже пустая таверна. Вкусное мясо, а вино в низине более терпкое. Кому что нравится... Сзади таверны сидели над обрывом две хохлушки и чистили картошку. Видно было, что прижились они у грека, что он ими доволен взаимно. Отправляют денежки домой, детям на учебу, а здесь у них как бы новая семья. Греческая, но шведская.

Потом от обрыва завернули в центр острова, на главную его гору. Небольшой городок, рынок с самоделками – керамика и шерсть, скатерть купили. А в центре – маленький монастырь Панагии Анафонитрии. Здесь жил Дионисий, главный святой острова, островитян так и прозвали в его честь: нёнъесы, по его сокращенному имени. Впрочем, они его не присваивают ревниво, его лик и на общегреческих драхмах чеканили. Монах этот жил в конце 16-го века за этими вот толстыми стенами и тоже занимался вином и оливками: вон его пресс для масла, вон давилня для винограда. Так в чем же святость? – спрашиваем...

Пока нудно плывешь, чего только не вспомнишь. Поскорей бы на сушу, хотя бы во-он туда, где в витрине горит, я ее внутренним зрением вижу, красная, как свекла, надпись “Борщ”. Ух, съел бы кого-нибудь! От этой таверны я знаю дорогу к нашему бунгалу. Но к ней не подгребешь – выскочат какие-нибудь черепашки “низзя!”

... Нам тогда спокойно объяснили, почему Дионисий святой – и мы согласились. Нет, дело не в том, что молодой венецианец из хорошей греческой семьи принял православие, быстро стал в церкви заметной фигурой, к 29 годам – епископом, а потом променял все должности на бесплатное служение землякам. За такое святителем и чудотворцем не объявляют. А в том дело, что он проявил чудеса самоотречения, когда в эти вот ворота ночью постучался беглец и объяснил, что за ним гонятся кровники.

Это были времена венецианского владычества на Закинфе, более короткого, чем Одиссеевой державы, но тоже не одно столетие. Что не удивительно, если учесть расположение Ионических островов – между Пелопоннесом и итальянским сапогом. Тамошние нравы не противоречили одиссеевской еще жестокости, кровная месть и в начале Нового времени не утратила актуальности.

Беглец рассказал, что он убил мужчину из враждебного клана Сигуросов, Константина, теперь клан охотится за ним. Дионисий отломил хлеба, налил в блюдце масла, поставил оливки. Уложил спать. А утром сказал, что Константин был его родным братом. Что он скорбит по убитому – и о заблудшей душе убийцы. Дал ему еды в дорогу и проводил на корабль, отправ-

лявшийся в сторону Пелопоннеса. Кровник из клана Мондиносов был потрясен, что понятно, раскаялся, что бывает, и стал добродетельным человеком, что бывает гораздо реже...

Ну все, здесь можно приземлиться, выйти из воды – асфальтовый причал, а не охраняемый песчаный роддом. Волонтеров и волонтерш не видеть. Конечно, в том, чтобы приехать из своей Скандинавии на другой край света и охранять кладки морских черепах, тоже есть какое-то самопожертвование, какая-то милость сердца. Но Дионисий пожертвовал частью своего сердца, любовью к брату, в пользу которого он когда-то отказался от наследства, кровными узами. А девицы, напротив, просто следовали велениям усвоенной добродетели, может быть, ничем внутри себя не поступаясь.

Только вот что-то асфальт меня ведет совсем в другую сторону, это ж какой крюк придется делать, чтобы вернуться в темноте, дрожа от голода. Я не заначил денег на таверны в плавки, а на святых, способных накормить меня хлебом и маслом, рассчитывать не приходится. Закинф, конечно, небольшой остров, всего 35 километров в диаметре, но обходить его босым (я же тапочки в ласты не подкладывал, только носки) и усталым – дня не хватит...

В монастыре нам с гордостью показали витринку, в которой на стене висели Переходящие Красные Тапочки. Эх, мне бы сейчас пусть не резиновые шлёпки, то хоть такие, бархатные. Но я же не староста какого-нибудь прихода, кто мне их выдаст, ими награждают победителей православного соревнования закинфских приходов. Мощи святого Дионисия покоятся в главном островном соборе, в городе, который также называется Закинф, на набережной. С мощами многое чего происходило, начиная с 18-го века, а теперь раку торжественно вскрывают в день святого – и меняют тапочки.

Легенда такая: Дионисий целый год по ночам обходит свой любимый остров (думаю, волонтеры не мешают), вот и стаптывает обувь. Когда раку вскрывают, по тапочкам видно – тщательно он охранял от бед свой Закинф. Ему кладут новые ненадеванные тапочки, а старые вручают, как вымпел победителю в соцсоревновании, самым благочестивым прихожанам. Да пусть верят в эти простодушные чудеса, лишь бы помнили о жертвенном милосердии!..

Все, дальше не пойду по асфальту, а то совсем ноги собою. А не махнуть ли через забор? Ну и что, что колючка поверху, главное, снаряжение перебросить и осторожненько себя в плавках перенести. Здесь прямо лес какой-то! Если я правильно азимут чувствую, то наше пристанище – на востоке, туда и двину, отталкиваясь от солнца.

По сухим иголкам идти конечно колко, зато ноги пружинят, а не давят на ступни. Совсем скоро начнет темнеть, не побежать ли? О! Так вы еще и подгонять, стрелять вдогонку? Господи, как же я забыл, что сейчас на острове охотничий сезон, бьют перелетных птиц, лупят по большим стаям мелких птишек, не промахнешься. Слава богу, что по мне не целят, но попасть-то могут! От таких чудачков, как я, и проволоку накрутили вокруг заказника, куда съезжаются солидные господа с дорогими ружьями со всей Европы. В зоне милосердия на берегу – волонтеры, в зоне убийств в глубине – охотники, каждому свое, такой вот цивилизованный европейский биоценоз.

Быстрее, быстрее, пока видны ветки, хорошо, что в темноте прекращают стрелять! Ну вот и колючая проволока, через нее – на волю! А здесь опять асфальт, знакомый перекресток, таверна, за столиками на веранде сидят у красных стеклянных пузырей со свечками пожилые усаые мужики, перед каждым – свой кувшинчик, тоже красный изнутри. Скоро и я выпью похожего вина с земляничным привкусом. И сяду, наконец!

Думаю, моя Пенелопа уже с ума сходит, крутит на пальце серебряное колечко, которое мы купили в ювелирном переулке за собором в островной столице, там своеобразные самоделки, впитавшие итальянские и греческие мотивы. Какой мотив, интересно, у нее сейчас в голове? Дай бог, чтобы терпение, а не паника. И я, однодневный Одиссей, возвращаюсь не нудистских женихов стрелять, а просто рассказывать, что сегодня видел.

Пусть не обошел весь остров по периметру, по сыпучим и вязким пескам и скользким камням, но представил, каково это Дионисию. Не легче каждую ночь, чем Одиссею – год за годом. Трудно найти дорогу обратно сквозь войны, чудовищ и колдуний, вернуть свое царство и свою семью. Еще труднее биться не за себя, вообще – не биться с оружием в руках, а слабым телом своим (ну не бестелесный же дух стаптывает тапочки!) оберегать век за веком своих неразумных и страстных прихожан, учить их началам милосердия и понимать, что без начал не будет ничего более глубокого и серьезного.

...Мы вышли из-под тростниковой крыши, подошли к краю лежащих на песке циновок, отделяющих пространство вокруг домика от пляжа. Глядели на лунную дорожку, лениво перебирающую белые гребешки у берега. И дождались: в другом ритме, торопливом и упорном, замелькали маленькие черные тени, как ноты на линиях волн, заплясали маленькие черные человечки. Спины черные, а лапки – хочется сказать, поднятые ручки – даже полупрозрачные в свете луны. Черепашьи детеныши уходили в море, быстро и неуклюже. Чтобы взрослыми и огромными вернуться через много лет, медленно, но непреклонно.

Геометрический орнамент

Паша взял транспортир и твердым карандашом провел короткую, сантиметров десять, прямую линию, аккуратно перевернул старинный школьный прибор и пририсовал к прямой дугу, опирающуюся на концы отрезка.

– Вот ты замечал, что у нас слова сбываются?

– Например? – Паша головы не поднял, лишь склонил набок в сторону собеседника.

– Вот вы у себя в ЦК понимали, что петь”...и как один умрем в борьбе за это!” – чревато? – Борис подошел к окну, поглядел вниз на автостоянку у входа в особняк. – И чем это закончилось для ЦК, партии, да вашей постройки в целом?

– Неплохо, в общем, закончилось... А насчет слов... Если не действуют прямые, допустим, экономические законы, то каким-то кривым боком вылазят совсем другие закономерности, это я тебе, Боренька, как бывший математик говорю.

– Самосбывающиеся прогнозы, тотемы и прочие ярлыки. Берется формула, совершенно от балды, и железной рукой, циркулем и линейкой, проводится в жизнь, отсекая прежние ненужности.

– Ты лучше скажи, Боря, – Паша опять глянул искоса, отрываясь от уже почти заполненного листа А4. – В журналистику обратно не тянет? Говорил я Эдику, что каждый должен заниматься своим делом, зря он тебя в управленцы подтянул.

“А ты не зря в бизнес пошел? – подумал Борис, глядя на стопку почти одинаковых рисунков и не останавливающийся карандаш. – Вон как чертит, кружки и стрелы, прямо стратег какой-то. А получается все равно не по карте, а по оврагам...”

– Эдик, видимо по своей горской аульной хитрости думал, что раз еврей – значит, директором смогёт. Да в общем-то смог, прибыль выжал из его убытков, только когда он высказался, что мой зам по коммерции на него плохо посмотрел, за что должен быть уволен, и к тому же он теперь повышает плату за квадратные метры, которые издательство (его же собственное!) занимает в бывшем школьном здании – как он умудрился его купить? – тут моя команда вся и уволилась.

– Ты что, не понял? – Паша ухмыльнулся и взял новый листик. – На фиг ему нужна была ваша прибыль, он издавал тех балбесов, которые могли ему по бизнесу пригодиться. Или стариков-академиков, чтобы его членкором сделали. Для этого ему грамотные и обходительные и понадобились.

– Знаешь, какое условие он поставил, объявляя зарплату? Чтобы я воровал, впридачу к ставке, не больше ее половины. Как, спрашиваю? Ну, говорит, договоры же можно на одну сумму, а в реальности – другую. Сообразишь на ходу...

– Ну и как, соблюдал?

– Не-а, не воровал. Как-то не заинтересовался.

Паша с помощью плексигласового прямоугольника, в котором еще на фабрике были заботливо вырезаны все геометрические шаблоны, закончил вычерчивать очередной орнамент. Получилась то ли готическая розетка, то ли цветик-семицветик, и пятидесятилетний матерый придумщик Павел Горшков взялся раскрашивать рисунок, штрихуя аккуратными тоненькими фломастерами.

– Предупреждал я его, что от тебя больше толку будет, если в газете останешься.

Разговор, как по шаблону, вернулся к тому, что не раз обсуждалось. Приятели замолчали, уже не пытаясь словами сократить ожидание. Должен был прийти Игорь и сказать, когда будут деньги и что делать дальше. Игорь, по своей адвокатской занятости, опаздывал. Борис от окна, в котором все никак не показывался “лексус” Игоря, вернулся опять за стол для заседаний, торцом упирающийся в заваленный бумагами стол предправления Горшкова.

Борис вспомнил, как вся эта компания лет пять тому назад, еще в прошлом тысячелетии, появилась в его газетной жизни. Сначала пришел Эдик и принес документы о диссертациях политиков и видных бизнесменов. Шустрый и сообразительный молодой человек помог понять, что в них написано, расследование вышло. К сожалению Эдика и его друзей из ВАКа, предоставивших компромат, большого шума не получилось и в тот раз необходимых им подвизжек в системе признания кандидатов и докторов не произошло.

Но Эдик не отчаивался. Отвлекаясь от тогдашних размышлений Бориса, скажем: не прошло и десяти лет, как атака себя оправдала, он стал фигурой не только в теневых схемах, но и в научном сообществе, правда, ненадолго, ибо другая группировка добилась его свержения с административного поста и показательного заключения в тюрьму.

Возвращаясь к описываемому времени, надо сказать, что тюремная тема была в этой кампании домашней. Буквально. Квартиру Эдик, в недалеком детстве пасший баранов, получил в престижном доме на Пречистенке, удачно женившись на дочери земляка, видного (кому положено видеть!) деятеля плаща и кинжала. Поэтому въехал недавний студент техникума в бывшую квартиру Николая Ежова, в соседней устроил сауну – тоже необходимый элемент обживания необходимых людей. Так что от “застенков Ежова” можно было получать ощутимую выгоду. Один раз и Борис глядел в окно предбанника на соседние здания Главной военной прокуратуры. Кутаясь в полотенце, придумал имена для суровых следователей и тюремщиков: Пречистенко, Остоженко...

Вошла пожилая секретарша, обновила печеньки на столе, уже в третий раз за время ожидания, раздала чай. Павлу Васильевичу – в его особом стакане, особом подстаканнике. Да и чай непростой – лечебный.

– Паш, как ты на бутырской диете со своими почками?

– Ну не сразу, потом полегче стало с передачами.

– А Леша Пак как-нибудь устроился?

– С его детской хитростью в эту среду не сразу нормально войдешь, но ничего, у него еще три года на обживание осталось.

– Ты на него злишься?

– Да нет, бог его уже наказал за подставу.

Они опять замолчали. Борис старался не вдаваться в тонкости этой истории, длившейся несколько лет, почти с самого знакомства. Вполне вероятно, что абсолютно чистых в ней нет, но Горшков свое отсидел, к тому же был симпатичен объемом знаний и характером, поэтому Борис знакомством не тяготился. А Пака он не жалел – тот и его пытался обмануть, практически – обокрасть.

...Вслед за диссертациями Эдик принес еще одну тему – хищения золота. Из кипы ксерокопированных документов, писем и счетов выяснялось, что губернатор далекой северной окраины скомуниздил 12 тонн золота. Золото вроде бы отправили на материк для гарантий северного завода, занимался этим делом банк, основателем которого был Горшков, а президентом – Пак. Так Борис с ними и познакомился, сначала с Лешей. Тот негодовал по поводу бесстыдства губернатора, но подробности лучше и шире объяснял Паша.

На волне перестройки бывшему партийному куратору отрасли и неплохому ее знатоку удалось увезти из госсистемы отделение банка, занимавшееся финансовым обслуживанием золотодобычи. Да и не могла уже неуклюжая система оперативно работать. Горшков стал предправления маленького, но аппетитного банчка, заодно въехал в солидный особняк на улочке в шаге от Нового Арбата. И вот теперь ему приходилось обходиться одной арендной платой, собираемой с офисных жильцов этой “коммуналки”. Мало того, что банк профукали с Паковой помощью, так еще и под статьи загремели.

Впрочем, не исключено, что такой результат вышел из-за Борисова вмешательства. После первой статьи всполошился губернатор, началось предварительное следствие. Борису пошли

письма в редакцию, потом звонки: “Северный завоз рухнул, в навигацию угля не запасли, топить нечем, собираем вениками пыль со снега на месте бывших угольных куч у шахт, закрытых озабоченным рентабельностью губернатором!” Борис написал еще одну статью.

Стали поступать контраргументы: не все 12 тонн украл начальник, кое-что прилипло и к банковским подвалам. Паша и Леша бурно отметали такую интерпретацию, несли свои бумаги. Борис подготовил следующее расследование, с аргументами обеих сторон.

И тут редакция задумалась, сама ли, или по подсказке передававшего деньги акционеров молодого бизнесмена – неизвестно. Но третья статья не вышла. Губернатор досрочно ушел с поста, добровольно и с почетом – в сенат. На север пошли караваны судов с оплаченными товарами, часть золота поступила куда следовало. Как-то раз в дверь Борисовой квартиры позвонили – на пороге оказались двое: немолодой депутат Госдумы, лидер оппозиции на далеком севере, и девушка в кухлянке. Пришли поблагодарить журналиста за спасение, принесли рыбки.

Вскоре на вечной мерзлоте прошли выборы – и губернатором как-то неожиданно стал не лидер оппозиции, несколько лет клеймивший прежних воров, а тот самый молодой улыбчивый бизнесмен, который раньше собирал деньги на редакцию (и на зарплату Борису). Следствие оставило в покое бывшего губернатора, активно агитировавшего, кстати, за новую поросль ветви власти, и занялось банком. А в газете решили закрыть за ненужностью отдел расследований.

Пока Борис раздумывал, в какую теперь редакцию пойти, пришел Эдик – и позвал гендиректором в свое издательство. Выбор помогло сделать и желание дальше работать с остальными сотрудниками отдела – и они вместе стали выпускать не газету, а книги. Вместе и уволились через год, ненароком сделав издательство прибыльным.

Первым делом на треть сократили штат, всех желающих взяв на временные контракты, а семь маркетологов во главе с внуком прежнего директора уволили целиком. Юный выпускник пришел с бизнес-планом, указующим на неуклонный рост будущих доходов, а на вопрос, чем это будет вызвано, ответить не сумел – шпаргалки не было. Борис до ухода успел съездить в Лейпциг на знаменитую книжную ярмарку и распродать все залежавшиеся в большом ангаре пачки. Он и сам не ожидал от себя такой коммерческой прыти, как, впрочем, и от коллеги, придумавшего замечательные контракты. Возможно, многолетнее расследование чужих хитросплетений не проходит даром...

Но в ближнем бою это помогло не слишком. Глядя в блестящие карие глаза Пака и слушающая убедительное резонирование Горшкова, Борису было неудобно требовать каких-то гарантий сохранности денег, вырученных им от продажи родительской квартиры и положенных в сейф банка “Золото”. А потом началась катавасия со следствием, с божбой банковских, что все обойдется, с разводками верных чекистов, обещавших за определенную сумму договориться в ЦБ, что банк не закроют. В общем, только после угроз знакомых Эдику бандитов удалось хоть что-то вернуть из опустошенной ячейки...

– Вот посмотри, я придумал эмблему для нашего “Шара”, – Паша протянул листок, раскрашенный все теми же фломастерами.

– Игорь приедет, ему покажи, – Борис как-то скептически хмыкнул.

– Я тебе, как творческому человеку показываю! Красиво же. А Игорь все равно не решает, я Виктору сам отвезу.

Паша был человек художественно тонкий, как потом выяснилось, в партийные годы дружил с театрами, даже с самыми серьезными. Оказывается, он был свидетелем на свадьбе друга Бориса, глубокого и не склонного к тусовочным знакомствам режиссера, о чем, впрочем, Борис узнал через много лет, когда его связи с этой компанией порвались окончательно (как до этого, по странному совпадению, и у режиссера с Пашей...). А сейчас Борис думал об этом “Шаре”. Девочка на шаре... Или “на шару”?

...Дорабатывая последний месяц в издательстве, Борис решил сделать книгу, которую никто другой не мог выпустить: полную картину еще не оконченного расследования теракта 11 сентября 2001 года. И уже 8 октября такая книга объемом десять печатных листов была выпущена, конечно, в мягкой обложке. Под ней уместились и хроника событий, и справки по каждому самолету, вонзившемуся в небоскребы, и база данных на каждую террористическую организацию, собранная не только в интернете коллегами из тех газетных отделов расследований, с кем раньше работал.

Книгу помог выпустить “авторитетный предприниматель”, очевидно, с подсказки своих силовых кураторов, бывший чемпион СССР по карате и сын академика, а ныне, кроме прочего, владелец прибыльного казино на Новом Арбате. Виктор, как подходяще звали стокилограммового каратиста, надеялся, что проект понравится команде молодого президента, поспешившего с сочувствиями в Вашингтон. Нашел этого спонсора (у самого издательства не было внеплановых средств), видимо через бутырских друзей, Павел Горшков. Он уже освободился, отсидел к тому времени полтора года (а Паку дали раза в три больше, хотя он и валил всю вину за махинации на Горшкова), искал новые занятия. Вышел как раз и этот самый Виктор, но не из Бутырок, а из более почетного Лефортова.

Потом и Борису, после ухода из издательства с успешной книгой, показалось естественным предложение команды Виктора о дальнейшем сотрудничестве. Тем более, что оставались нереализованные планы, например, пришел к нему в последние дни работы у Эдика русский китаец-профессор МГИМО с готовым русско-китайским словарем на 50 тысяч слов. Дело явно выгодное, такого словаря не было со времен Хрущева, но в издание надо было вложиться. А Виктор с помощью Горшкова собрал этот самый “Шар” – многоцелевое партнерство, типа фонда. Кто был свободен (?!) из горшковских друзей, пошли сюда с проектами, от музыки до детского футбола. Борис разработал общую идеологию и издательскую программу, пару раз собирались в штаб-квартире, которая оказывалась то в “Президент-отеле”, то на Софиевской набережной, явно в прикормленных Лубянской местами (как потом сообразил Борис). За эту деятельность и полагалась зарплата, ее сейчас и ждали.

– Вот и Игорь, – Борис опять у окна, заметил подъезжающий “лексус”.

А может, и хорошо, что адвокат-адьютант задержался. Было время собрать всю эту историю, глянуть на нее...

– Значит, вот такая тема, – Игорь всегда владел языком своих клиентов. – Издавать пока ничего не будем, вкладываемся в поддержку детского футбола. Сможешь написать песенку, чтобы слоган в ней заметный был? Представляешь, на всех заборах надпись: “Под флагом добра!”.

– А какой смысл в этой фразе? Под флагом одно, а на деле – другое?

– Боря, услышь меня: под флагом добра! Явно же, что дело хорошее. Ну и фонд – тоже.

... Борис уходил с конвертом, где лежали заработанные доллары, и какой-то дрожью. Будто его чем-то унизили, посчитали недостойным уважения. Поднял глаза на пацанов, торопящихся впереди него к калитке школы. В этих приарбатских местах и школы – не для всех. Мальчишка в костюме при галстукке, это у них так положено, что ли? Да нет, у тех, кто бежит по бокам, как пристяжные, одежда обычная.

А лидер достал мобильный телефон и поставленным голосом второклассника дает кому-то указания. У самого Бориса такой телефон остался с Эдиковых времен, к тому моменту это была достаточно редкая и дорогая вещь, хозяин выдал его своему работнику в качестве поощрения. Этому вот шкету, которому нет еще и десяти, будущему хозяину будущей жизни, телефон выдали родители – пусть привыкает командовать...

Да при чем здесь телефон! Нечего самому ходить по темным местам. Пора обратно в газету. Там, по крайней мере, можно думать, что понимаешь, каким элементом системы ты являешься.

Паразитарные записки

Он вошел, закрыл дверь, наклонился, большой, над моим столом, и спросил:

– Хорошо заработать хочешь?

– Миша, ты о чем?

– Об интернете!

От Миши, в принципе, можно было ожидать всякого. После того, как его выперли с ЦТ несколько лет назад, после совсем свежей истории с пистолетом он так и не нашел постоянной серьезной работы, а в поиске может взбрести в голову что угодно, когда семья ждет от тебя заработка, по себе знаю. Но интернет – это уж совсем не его профиль. Дело сейчас, в конце века, новое, особенно в России...

– Дело новое, понимаешь, скоро широко пойдет. Всем понадобятся имена... Ну домены разные. Это и есть имя во всемирной сети – не для человека, а для компании, им это будет важно. Кинутся – а они уже зарегистрированы. На других. На нас с тобой, допустим. Регистрация-то копейки, можем сколько угодно набить. А вот у нас выкупить имя – это уже вопрос торга!

– Например?

– Вот решает солидный ЮКОС, что все его подразделения, вся их деловая переписка должны идти через один домен, латинскими буквами – Yukos.ru. А мы его уже за собой оставили! Могут, конечно, в середке поставить не “кей”, а “си”, но все равно наш-то будет путаться под ногами. И не солидно, и небезопасно. Так что придется вступать с нами в отношения...

Все-таки правильно я год назад настраивал редактора отдела, чтобы он договорился с главным и нам сделали отдельную комнату! Игорь, наш “вождь”, как называли его ребята, вместе с ним ушедшие из старых “Известий”, и Олег, генеральный директор, поставленный Березой следить за движением денег, не сразу согласились. Когда особняк на Долгоруковской реконструировали под редакцию, планировали всех пишущих рассадить в одном большом зале за стеклянными перегородками. А мы с редактором отдела быстро договорились, что отделу расследований, куда могут приходиться разные люди и где могут быть свои разговоры не для чужих ушей, лучше сидеть за закрытой дверью. Вот как бы я сейчас краснел при всех!

– Миша, родимый, ну как ты себе это представляешь? Люди думали, работали, создали движущуюся структуру, а мы у них, ничего для них не делаем, денег требуем! Будто в заложники их взяли, как мелкие бандюки на рынке – предлагаем “поделиться”. Или наперсточники. Разводилово какое-то!

– Ну нет, наоборот, учим их уму-разуму! Пусть лучше вперед смотрят, выводы делают. Оброк на предусмотрительность, налог на технический прогресс. – Миша, все же, рассудителен.

– Миша, ты только недавно избежал тюрьмы – и лезешь в нечистое дело. Понимаешь, это же типа продажи антивируса после внедрения вируса в беззащитную сеть.

– Нечистое? Нет такого состава преступления, значит – чистое! Конечно, похоже на посыпание гвоздями дороги перед точкой шиномонтажа, но что в этом особенного? – Миша опять находит аргумент. – Бизнес обычный.

– А ты не подумал, что у них может быть своя служба безопасности, которая за такие штуки по голове настучит?

– За что это? Зевать не надо было. Да и не обязательно монстров тревожить, ЮКОС я просто так в пример привел. Вот кто тебе больше нравится?

– МВД РФ.

Поговорили еще немного, Миша ушел. Поколебленный не столько шуткой про милицию, сколько упоминанием служб безопасности. Про их-то нравы он теперь хорошо знал, устроив-

шись пресс-атташе организации ветеранов “Альфы”. Платили там, очевидно, не слишком, раз он на такие авантюры клюет. Да и вряд ли сами эти ветераны жировали, у действующих-то всяко больше возможностей. Хотя если они могут консультировать, а то и помогать с лицензиями всяким ЧОПам – бизнес стабильный.

Впрочем, явно не всеильны они. Или не спешат помогать сотрудникам. Мишка в истории с пистолетом помощи от них не дождался, чуть не сел реально. Сын его играл во дворе, ссора с большим пацаном, Мишка выскочил – дал подзатыльник. Чужому тоже. Минут через десять – кулаками и ногами по двери, сосед пьяный орет, папаша того пацана. Мишка в трусах чай пил в кухне, жена открыла – а там громила, к горлу тянется. Мишка услышал, к полочке в кабинете – за пистолет между книг, в воздух пальнул – мужик убежал. И накатав жалобу, Мишку за жабры. Превышение необходимой обороны... А то что он, с его-то диоптриями, точно выражал поговорку “У страха глаза велики” – никого не волновало.

Больше интересовал, конечно, пистолет. Наградной. Мишка, кстати, несмотря на большие диоптрии и неменьший инфантилизм, его заслужил.

Он был юным корреспондентом Центрального телевидения (оно так называлось и в годы раннего Ельцина) на Северном Кавказе. И сделал репортаж, из-за которого лишился работы не только сам, но и лишил поста своего начальника – Егора Владимировича Яковлева, одного из “прорабов перестройки” и лидера советских журналистов. Дело в том, что Михаил рассказал в эфире о расстрелянном автобусе с мирными ингушами, а это не понравилось не только осетинам, но и тем, кто пытался сдержать обе завоевавшие из-за территории стороны. Они нажаловались Ельцину, Ельцин убрал неосторожных журналистов. А Мишка получил наградной пистолет от Руслана Аушева.

Я его и запомнил, Мишу-то, по этой истории – из журналистской солидарности. Да и по связи с именем Егора, замом которого довелось потом быть в “Общей газете”. Поэтому сразу понял, кого мне прислали знакомые ребята, когда он впервые появился в отделе расследований – с просьбой вмешаться. Прошли с ним по инстанциям, посмотрели документы – не врет. Ну я и написал. А его раз – и не стали сажать, газета тогда пользовалась влиянием.

Но в процессе общения с его нынешними сотрудниками возникло ощущение некоего паразитизма. И не столько от надувания щек отставниками, сколько от знакомства с этой раздутой сферой. Как-то позвали сделать журнал для всех сотрудников всяких ЧОПов, заказчик с гордостью сказал, что потенциальных читателей в стране – два с половиной миллиона. Бездельников, сидящих на вахте или охраняющих своего клиента от другого ЧОПа, клиента враждебного. Это же как борьба с компьютерными вирусами, создаваемыми системой, которая сама организует спрос на свою паразитическую деятельность. Впрочем, борьба эта опирается на укорененную в массах привычку присматривать, где что плохо лежит и от чего можно урвать, не прикладывая больших усилий. Мишкина идея – еще не самая уголовная.

А ведь еще есть и другие “службы безопасности”! Я подсчитал тогда, что вместе с правоохранительными органами, армией просто и армией чиновников где-то процентов семьдесят взрослых мужчин и женщин заняты непроизводительным трудом. Грубо говоря, сидят на шее у несчастных тридцати процентов. Ну и откуда здесь появится производительность труда, его, изящно выражаясь, интенсивность, стремление создать что-то новое? Какие новации, нам бы гранты распилить...

Сейчас видно, что все это следствие не только авторитарного огосударствления экономики, но и закономерного в этой связи расширения поля деятельности силовых структур. Спусти много лет я понял, в чем дело. Механизм был такой. СССР кончился, но после него осталась огромная армия, люди, которые кроме “несения караульной службы”, ничего не знали. А силы у них были и привычка к оружию и послушанию – тоже. На какую работу их канализировать? Тогда и запустили механизм, в результате которого в каждой конторе, хоть и насквозь частной, обязаны были содержать нескольких охранников, под это создали и законодательство,

и систему лицензирования. Те бездельники, которым повезло, ее прошли, которые не смогли – стали воевать с охраной, тем самым оправдывая ее существование. Вот за какие позиции шли смертельные битвы в организациях “ветеранов Афганистана”! Думаю, и чеченская война оттуда же, и террор-антитеррор...

Но всякая система, если она живучая, всегда стремится выйти за предначертанные рамки. И силовики-охранники, на госслужбе или под прикрытием, призванные сберечь целостность государства во время крутых реформ, объективно ослаблявших вцепившиеся в общество руки, постепенно вернули – и с лихвой! – прежние силы. Но сделать что-либо продуктивное они не в силах по определению. Значит, надо сильнее давить, доить, паразитировать на тех, кто еще что-то может. Вот и бедный ЮКОС сменил хозяев...

Это у них, к тому же, своеобразная месть за недолгие унижения, когда их карьера могла зависеть от “штафинок”, это осуществленная зависть к принимающим решения хозяевам жизни. Такое дзю-до: мы делаем вид, что слабее вас, вы нас гнете, думая, что – в ваших интересах, а потом мы р-раз! – и опрокидываем вас. И еще надо посмотреть, кто на ком паразитирует!..

Вот опять дверь в отдел расследований закрывается за пришедшим. Ну какой он посетитель – один из хозяев, Олег. С ним всегда интересно пообщаться: много знает, понимает пружины, четко и образно говорит. Олег, спрашиваем мы его, почему сам не пишешь? Отвечает как-то загадочно, может, у них, у генеральных директоров, считается западло что-нибудь самим делать, иначе руководство потеряешь?

– Ты Чайку знаешь?

– Министра юстиции? Что-то читал.

– А компромат на него найдешь?

– Ну вот сыновья недавно в историю попали. Машину одного из них задержали с кавказцем за рулем, нашли оружие, что-то еще... Об этом писали.

– Сам сын-то был там?

– Нет.

– Мало, найди посерьезнее...

– А зачем тебе?

– Понимаешь, завтра в Совете Федерации голосование, его собираются предложить на пост Генерального прокурора. А нам, – и Олег выразительно крутнул головой, как-то сразу стало понятно, что имеется в виду Березовский, – нужна другая кандидатура...

– Как же я до завтра-то успею? Сейчас уже одиннадцатый час...

– Ну выручай!

Ушел. Надо подумать. Красивое армейское правило: не торопись выполнять приказ, его же могут отменить – здесь не подходит. До подписания номера шесть часов, надо торопиться. А смысл? Одного бесхребетного прокурора поставят взамен “нашкодившего” Скуратова, взявшегося искать коррупцию около президента, или другого – но уже от “нашей” группировки, какая разница? Ну, во-первых хоть про кого-то будет сказано, что у него рыльце в пушку, может, послужит предостережением многим. Напугает хотя бы на время. Во-вторых, “наша” группировка выглядит сейчас посимпатичнее лужковско-примаковской, даже Лена из отдела культуры, читая высказывания Березы, ярко вздыхает: “Какой он умный!” (А к ее словам стоило прислушаться, дело не в том, что нынче, почти двадцать лет спустя, она стала видным государственным деятелем, а в том, что в пору описываемых событий была активным членом коллектива и любовницей главного. Кстати, потом, уже в другой редакции, писала проникновенные излияния, как это хорошо – быть любовницей старшего умного человека. У гроба она стояла рядом с женой...) И в-третьих, если не найду ничего – совесть будет спокойна.

А искать стоит там, откуда Чайка прилетел. Или прилетела? В Иркутской области, помнится, есть приличный и знающий журналист, Чайка как раз оттуда. Где-то же есть его телефон! И начались переговоры, ссылки на общих знакомых, подсказки, уточнения...

К трем часам пришел факс с копией документа, из которого видно, как прокурор области тормозит расследование уголовного дела на двух бизнесменов, связанных с нелегальной торговлей золотым песком, так называемая система “Ингуш-золото” – от Сибири до Северного Кавказа. А прокурор области на момент написания документа – Чайка. Никакого прямого преступления в этом не видно, но вместе с задержанными с оружием ингушами на машине сына (с папиными номерами...) складывается связка, которую можно исследовать. И не журналистам...

Маленькую заметку поставили на вторую полосу, нашли дырку. Газета вышла утром, в одиннадцать в Совфеде не представили никакой кандидатуры на пост Генерального прокурора. Потом назначили другого, за которого “болела” группировка, стоявшая за Путиным.

Прошло семь лет. Уже не за Путиным стояли группировки, а под ним копошились, многих из тех, кто его двигал, не было на политическом горизонте. И вот этого “другого”, Владимира Устинова, ставшего не только генпрокурором, но и свояком близкого к президенту (его бывшего секретаря в Питере) Игоря Сечина, такую значительную фигуру, неожиданно снимают и отправляют в Минюст. А оттуда берут временно отложенную кандидатуру Юрия Чайки.

К тому времени газета, в которой семь лет назад была опубликована заметка, помешавшая первому “прилету” Чайки, утратила прежнее влияние, да и вообще пресса, вроде бы, перестала быть “четвертой властью”, я это видел по другому изданию, где работал. Но крепкий независимый журнал “Новое время” не стеснялся писать о властных интригах, не будучи причастным ни к одной группировке “у трона”. Туда я и написал аналитическую заметку о рокировке “Устинов-Чайка”. Не желая добавлять неприятных звонков Александру Борисовичу Пумпянскому, главреду “Нового времени”, в этой заметке, упоминая об эпизоде семилетней давности, я не назвал имени того, кто мне “по поручению” Березовского-Абрамовича предлагал найти компромат на Чайку.

Олег позвонил сразу мне. Домой, номер где-то отыскал. Узнал себя. И сразу стал угрожать – я, мол, его оклеветал. Пришлось ответить, что свидетелей нашего разговора за закрытой дверью, конечно, нет, но заметка у меня хранится, написать ее по собственному почину я бы не смог. Захотел бы без подсказок, без погонялки “срочно!” – накопал бы полную картину, может, и в командировку попросился бы.

– Ты специально это сделал сейчас, тебе зачем-то надо поссорить меня с генпрокурором! – с усилием в голосе сказал Олег и оборвал разговор.

Конечно, ничего такого я не хотел. Но в его ведомство, где Олег пребывал на ответственном посту, вскоре пришла прокурорская проверка. Тоже обошлись, очевидно, теми приметами, которые я привел в “Новом времени”. Особо выдающегося проверка не накопила, однако Олег с тех пор оставил госслужбу. Но из услужения не выпал. Участвует в партстроительстве, успешно задушив в объятиях независимое “зеленое движение”, иногда выступает с громкими заявлениями, чтобы повисить свою капитализацию, выскакивает и на выборах, когда надо отвлечь избирателей от реальной оппозиции. Не забывая о коммерческой составляющей...

Он не подходит даже на временами позитивную должность “еврея при губернаторе”, поскольку сам ничего не подсказывает, а выполняет чужие комбинации. Это особый род паразитизма: “спойлер”, “мурзилка”. “Дурилка картонная”, как говорил незабвенный Горбатый. Такой паразит отнимает силу у процессов, которые могли бы привести в страну настоящую конкуренцию, наводит на мысль о безнадежности борьбы за свои права, отвращает от участия в политике.

Если уж речь зашла об общественно-политической активности...

На более высокой ступеньке в этой трофической цепочке оказался другой мой знакомый тех лет. Он теперь сенатор. А тогда был довольно симпатичным умным парнем, познакомился через депутата, у которого я одно время был помощником. С приятелем они затевали общественное движение в помощь собственникам жилья, обманутым дольщикам, фермерам. Типа Земсоюза. Порадовался за них – помещение арендовали в престижном месте, на Петровке, напротив “Савоя”. Не думал я тогда, что метры в этом квартале распределяются под надзором близкой Лубянки и рядом – ее неприметные службы, вплоть до бани, и что приятель Антона как-то слишком похож на гэбешных аналитиков.

А думал о том, что можно вспомнить демократическую русскую традицию – земство, что такое начинание позволит раскрыть “самодетельность масс”, помочь им в борьбе с различным “крышеванием”, да и с обычными бюрократами. И укрепит фундамент нормального государства – муниципальную власть. Про это и написал для ребят предложения по программе. Бесплатно, между прочим. Но они не слишком спешили разворачивать реальные действия, искали коммерческие проекты, с Индией торговать собирались. Ну я и отстал от них.

Вспомнил про Антона, когда в редакцию, где я работал, пришел человек, которого местные власти постарались упечь в тюрьму, чтобы отобрать построенный им жилищный комплекс. Специально тянули с вводом его в строй, дольщики перекрыли дорогу к Шереметьеву, вино vatым пытались сделать застройщика. Я отправил его в эту профильную общественную организацию, она ничем не помогла, мужик опять сел – уже надолго, жилищный комплекс у него отобрали. Но и его врагов-администраторов сняли – видно, кусок не по зубам выбрали.

Скоро стало понятно, что Антону – не до мелочей, он пошел в депутаты Госдумы от “Справедливой России”. Партия, как и его организация, поначалу казалась имеющей смысл – наследники русских эсеров, тоже продолжателей земства в политическую сторону. Не мне одному, такому наивному, казалась: встречал на Волге и у Баренцева моря энергичных местных деятелей, искавших в ней поддержки, политологи рассуждали о “второй ноге” власти, вдобавок к уже задубевшей “первой”. Однако в парламенте новые эсеры не отметились слаженными шагами, отдельные их депутаты еще что-то пытались сделать, но их быстро вычистили. Антон остался, пошел на второй срок.

Он мелькал инициатором каких-то законопроектов, но прославился в отпуске, на футболе. По итогам проигранного на чемпионате Европы матча зашел в отель к нашей сборной и стал приставать к ее капитану: мы, мол, ожидали от вас совсем другого. Андрей Аршавин ответил не грубо, но емко: ваши ожидания – это ваши проблемы. Выражение стало мемом после того, как Антон распространил видеозапись. И стал на какое-то время выразителем “народных чаяний”. Точнее, той его части, которая любит при любом случае поорать “Рос-с-сия, впер-ред!”

Тогда я понял, что это и есть его основная задача: угадывать тренд. То он требует проверить, откуда у организации “Голос”, следящей за честностью выборов, взялись на это средства, то указывает, что неплохо бы найти западных спонсоров Бориса Немцова. То отлучает зарубежную гомеопатию от масштабного пирога отечественной медицины, то занят преследованием педофилов.

В последнем случае есть нюансы, о которых, возможно, и сам инициатор законопроектов не допущен был знать. А мне о них под закат царствования президента Медведева поведал один чин из “следаков”.

– С чего, вы думаете, все так озаботились проблемой педофилов, у нас что, более широко развернутого и смертельно опасного криминалитета не хватает?

– Ну, половой вопрос всегда привлекает внимание широких слоев. Геи вон как возбудили ревнителей отечественных устоев, а тут вообще священное – дети...

– Так-то оно так, но хватило бы и оперативного вмешательства, издали бы просто приказ по МВД, да Следком настропалили бы построже. Какие новые законы в этом деле?

– А допустим, чтобы наших, пусть и приютских, детей на Запад не отдавать. В грязные лапы.

– Тогда зачем внутри страны стращать? Описывайте тамошнее моральное разложение – и хватит. Не-ет, тут другое. Помните, как нынешний премьер, а ранее – президент, ребенка в пупочек целовал?

И я задумался. Дальше мы со следаком говорили намеками, в его-то кабинете. Мысль вызрела такая: не хочет Медведев возвращать пост, вот и готовит компромат на случай конфронтации, говоря политологическими терминами. Возбуждает в обществе интерес к проявлениям этого извращения, делает его носителей ненавистными, расставляет своих людей по правоохранительному периметру, они шумят по этому поводу.

Получается, и Антону роль досталась. Знал ли он, почему шум нужен? Не думаю. Почему потом, когда у президентов поменялись позиции, он не отказался от задуманного? А зачем отказываться от пиара, от образа. И пусть его после двух сроков в Думе перевели в менее престижный Совет Федерации, да и оттуда могут попросить в связи с переменами в верхушке области, которую он представляет, имя свое “несгибаемый борец” на какое-то время сохранит. А там еще где-нибудь пригодится, может, эсеры на ребрендинг пойдут...

Весь политический шум Антона (а он – веточка власти) работает на понижение, не на создание чего-то нужного, пусть и пресловутого Земсоюза, а на новые запреты. Это – самый активный вид политического паразитизма, он настолько очевиден, что выглядит единственной сферой, достойной неустанного законодательного усилия. Но самое страшное – не в самой этой продуктивности, кого в России пугали законы и запреты. А в разложении общественного сознания, его примитивизации, отвлечении от новых мировых проблем, от которых не отгородиться запретами.

Такая активность поощряет первобытные инстинкты, агрессивность, не оправданное ничем самодовольство. Какие общечеловеческие ценности? Не смешите наши “Искандеры”! Где бы ни работать, лишь бы не работать, буду охранником, а нефть всех прокормит. Что с того, что не пармезаном – лишь бы на картошку хватило.

Коротко говоря, национальная ментальность, сложившаяся при крепостном праве, НКВД и “стройках коммунизма”, не меняется под давлением исторических обстоятельств, на время окукливается. Раз нельзя ничего по закону, то драка – единственный способ доказать состоятельность, все равны – всё по справедливости! – но сильным можно всё. Конкуренция предполагается только на уровне момента, интеллект не нужен – он заточен на будущее, на успехи в естественном отборе, а такой житель России будущим не интересуется, личным по крайней мере, он не уверен, доживет ли кто-то до него.

Отсюда апокалиптические настроения, “однова живем” и дикие полубезумные разговоры о войне, тупая зависть к чужим успехам вместе с презрением к тем, кто живет лучше и думает о том, как жить еще лучше, отсюда же – стремление считать всех, кто не ввязывается с тобой в драку (пока!) – слабаками. Это даже важнее блатного или казарменного братства, пропитавшего народ, это в голос плачет ментальность, чующая свою обреченность. Особенно рядом со свободной молодежью.

Впрочем, не стоит думать, что наша беда не имеет аналогий вовне. Вспомните недавние мировые экономические кризисы. А начало им положили неумеренные вклады в финансовые бумаги, которые только обещали какие-то выгоды. Не сами акции, допустим, а лишь депозитарные записки, в целом – деривативы, взаимные финансовые обязательства инвесторов и владельцев акций под прогнозные гадания будущего роста акций. Спекуляция – тоже паразитизм. Все знают и все на этом попадают. Каются, а потом попадают еще раз.

Цитата: “По заключению обнародованного в январе 2011 года итогового отчета созданной по решению президента США Барака Обамы специальной комиссии американского конгресса по расследованию причин кризиса 2008—2009 годов кризис спровоцировали следую-

щие факторы: провалы в финансовом регулировании, нарушения в области корпоративного управления, которые привели к чрезмерным рискам; чрезмерно высокая задолженность домохозяйств; широкое распространение «экзотических» ценных бумаг (деривативов), рост нерегулируемой «теневой» банковской системы». Ну и что: только отзаседала комиссия, как грянул кризис 2012 года, по той же схеме – лопается «денежный пузырь», не обеспеченный реальными активами, в него перекочевали средства, способные давать развитие.

Пример из недавних, отечественных, но связанный с «мировой экономической системой». Объявили о начале продаж новых айфонов, у фирменного магазина с ночи выросла очередь сотен желающих первыми купить дорогую игрушку. Двери утром раскрыли, но никто из первых 247(!) человек к прилавку не поспешил. Оказывается, вся голова очереди состояла из наследников моего когдатопного Михаила, они заняли очередь, чтобы перепродать ее тем, кто захочет быть в числе первых, но не готов стоять всю ночь. Бедняги деривативщики!

Издержки постиндустриальной экономики, а теперь – и виртуальной, где информация становится частью производства – и одной из главных целей потребления, где казаться важнее, чем быть. Но у нас-то еще и настоящей индустриализации не было, в России ничего своего принципиально нового не научились производить.

Все эти отнюдь не древние хакеры, брокеры – да и блогеры! Последние две категории – лишь сопровождающие по «пищевой цепочке» все новое, разжевывающие для «быдла» достижения тех, кто что-то делает, а попутно отрываяющие кусочки себе для пропитания. Есть ли в них необходимость? Есть! Не обязан каждый человек брать на себя все тяготы освоения, тем более – в тех областях, где в принципе невозможна его осведомленность. Вот и верят всяким «туру», коучам, экспертам – иногда и необходимое в них находят.

Плохо, когда этот прием переходит в общественную сферу, в государственное устройство, ущемляет естественные права человека думать и принимать решения. Когда власть эксплуатирует озвученный Высоцким тезис: «Не нужно думать – с нами тот, кто все за нас решит», а вдобавок запугивает принятием законов о «неуважении к власти». Власть – это кто, Антон?

О власти, анекдот. «Бухгалтер довольно часто становится монстром предприятия. На том основании, что он выдаёт зарплату, начинает считать, что он её и платит. Из своего кармана. Так и наше правительство». Но это еще – в лучшем случае, когда власть может чего-нибудь выдать.

Стоит различать паразитизм, приспособленчество и конформизм. Ступени разные, но не путай себя, сознавай, на какой ступени ты сейчас стоишь, принимая решение. Бессознательность опасна. Принимай разные моральные оценки, которые тебя устраивают, но не ной, что тебе кто-то испортил весь мир вокруг, пока ты не хотел действовать.

А у нас в стране все еще отягощено незрелым, диким общественным сознанием, в котором мутят воду Олеги разного калибра. После натуги выдуманного социализма сознание это покатило вниз, проскочило, не задержавшись, капитализм – сразу к феодализму, абсолютизму. Может и не остановиться. Временщик, откупщик, надсмотрщик – вперед к крепостному праву.

Виагра власти

Напрасно я весь рейс от нечего делать напрягал воображение, строил сложные варианты опознания встречающего. Не такой уж минераловодский аэропорт большой и не такой уж в ноябре переполненный, чтобы издалека не угадать чиновника. В шляпе. Как у Этуша в “Кавказской пленнице”, при костюме с галстуком. Ну почему они ее носят колом на голове? Хоть кол на голове теши, как говаривали учительницы наших времен.

Пресс-службист сел на переднее сиденье, шляпу снял и устроил на колени. Где они только их берут, с хрущевских времен? По наследству передают? Обернулся ко мне и спросил:

– Неоднозначно у вас получилось из Беслана в последнем номере. За это ничего не было?

– Однозначно в таких делах и не бывает, только у Жирика. Чтобы твердо раздать всем сестрам по серьгам, времени не хватило – нам надо было срочно отписываться. Но по-моему и так очевидно... А нам-то что могло быть?

– Ну... Если кому не понравилось...

Из-под шляпы, из портфельчика достал несколько листков и с гордой улыбкой протянул мне, назад. Моя скромная биография, пара-тройка отзывов на статьи, список обиженных, судебные истории.

– И зачем это вам?

– Мы тут, пусть и далеко от столиц, не зря зарплату получаем, интернет освоили. Мы должны знать, с кем имеем дело, вы же хотите сделать интервью с нашим президентом.

Хм, я о Батдыеве меньше знаю, чем они обо мне накопили. Зачем мне его история, главное – что он сейчас делает, почему им народ недоволен, пришлось полпреду Козаку вмешиваться, на это меня и в редакции нацелили. Ну, поставили его как альтернативу кандидатуре, которую двигал Береза, а тому березовскому Станиславу Дереву (интересное созвучие фамилий!) взамен дали место в Думе. Впрочем, и занявший пост – не из советских номенклатурных остатков, экономист-финансист с московскими бизнес-связями... Ладно, остальное посмотрим, когда приедем.

– Сколько еще до Черкесска?

– Всего километров двести пятьдесят, по пути перекусим, если вы не против.

Не против! Иногда здешние подорожные рестораны напоминают постоянные двory. Или казачьи курени. С бревенчатыми глухими заборами, совсем не собирающиеся приветливым видом зазывать посетителей. Впрочем, может, в этих местах соблазнительнее хорошо закрытые от посторонних глаз заведения, которые при случае проще оборонять? А вкусно в этой крепости, даже есть такой закуток для своих, как раньше в районных столовках райкомовские комнаты...

Какой-то тревожный звонок, судя по виду моего сопровождающего, хорошо, что доели. Что случилось?

– Толпа ворвалась в правительственное здание, ищут президента, пока не нашли...

Та-ак... История начинает играть красками.

– Поехали быстрее!

...Остановились, не доезжая площади, вожатый тут же исчез. И я побежал к внушительному зданию, возле которого не было видно какого-то особого скопления народа. Людей в форме нет, об охране напоминают сдвинутые в беспорядке переносные металлические ограждения, на газоне вороха бумаг, валяются несколько крупных электронно-лучевых мониторов. О! Кто-то из окна третьего этажа скидывает тяжелое приземистое кресло. Значит, мне туда.

По пути к резиденции Мустафы Батдыева я увидел на стенах и лестницах кровавые отпечатки рук. Двумя встречными потоками идут какие-то удовлетворенные содеянным люди,

успокаиваясь, переговариваются. А в президентских апартаментах не протолкнуться. Удивительно, что заправляют здесь женщины, как-то не по-кавказски. Дело не в том, что их большинство, а в том, что мужчины к ним подходят с подчиненным видом, обговаривают дальнейшее и уходят исполнять. Точнее, подходят к одной, которая сидит сбоку стола для переговоров, кутаясь в шаль, а остальные женщины, возбужденно выговариваясь, служат эмоциональными резонаторами, ретрансляторами общего настроения.

Объясняю сидящей за столом, откуда я взялся. Фатима Богатырева, сестра исчезнувшего Расула Богатырева. А остальные женщины – родственницы других шестерых, исчезнувших вместе с ним около месяца назад. Официальный розыск почти ничего не дал, тогда родные (скорее, целый клан) приняли свои меры и выяснили, что в последний раз Расула Богатырева и его сопровождающих видели на стоянке у дома Алия Каитова, президентского зятя, куда они подъехали выяснять отношения по поводу одного предприятия. На которое у Расула и еще более молодого предпринимателя Алия Каитова были разные взгляды. На стоянке нашли следы пуль и другие свидетельства возможного столкновения.

– Ну и чего вы хотите добиться в этом кабинете?

– Сначала мы просто хотели узнать о наших родных. Потом, когда выяснились первые подробности о стоянке у дома Каитова, стали требовать непредвзятого расследования. Нам заговаривали зубы, – Фатима даже улыбается, но невесело, только фразе. – Президент обещал встретиться, но времени все не находил. И так продолжалось месяц! Мы вышли на площадь – сотни, тысячи людей, не только наши родственники. Батдыев обещал и им – выйти и поговорить. Нам нужно было его слово – как гарантия справедливости. Он к нам не вышел – мы пришли к нему. Уже во второй раз. А он убежал.

– Что теперь? Неужели вы не догадываетесь, что с вашими парнями?

– А где их тела... Простите, я так говорю, потому что сама уже почти совсем не верю, что увижу их живыми. Почти! Есть слухи, мы сейчас их проверяем, вроде бы нашли в Питере тех каитовских парней, которые стреляли в наших, и они сказали, что сбросили останки в старую шахту. Но надо еще доказать, что это именно они.

– Их не вернуть.

– Но можно обеспечить полное расследование и справедливый суд. Президент... Раз он так себя повел с нами, не может этого гарантировать. И теперь мы требуем его отставки. Он нам врал!

– А когда мы собрались на разрешенный митинг, велел своему вице-премьеру отключить микрофоны, – это вмешивается Хасан, мужчина средних лет, связной между площадью и женщинами в кабинете. – Сказали – электричество отрубилось. А окна светились!

– Он знал правду уже месяц, надеялся каким-то способом выгородить Каитова. А кабинет этот, – и Фатима одним кивком обозначила место, – нам нужен, чтобы на ситуацию обратила внимание Москва. Понимаем, что это незаконно, что ж сделаешь... Отсюда мы сами не уйдем, пока не добьемся своего.

– Могут и вышибить.

– Они даже не смогли нас не пустить!

– Ну, это могут быть другие силы, другие люди...

Кабинет приводят в порядок, складывают в коробки государственные бумаги. Говорят, что громили, ломавшие мебель и бросавшие из окна мониторы, были незнакомыми молодыми людьми. И выпившими – что для мусульманской республики неординарно. Чужие? По чьему заказу? И тут к столу подскочила женщина постарше, с разгоряченным лицом.

– Вот, смотрите! В шкафу мы нашли простыню, а в ящике стола – виагру! Понятно, чем он занимался со своими секретутками! На таком диване!

Ну и что... Кроме аморалки предъявить нечего, что ли? Я не стал объяснять горским женщинам, что в Москве, с нравами которой Батдыев явно знаком, подобное не считается не

то, что стыдным – вообще вызывающим осуждение. С позднесоветских времен. Но здесь не Москва, и контраст между неисполнением долга политиком, выбранного своим народом, и исполнением его личных прихотей был налицо...

– Ладно, думаю в ближайшие пару часов вас штурмовать не будут. А я пока пойду поговорю, пощупаю обстановку. К вечеру вернусь, корреспондент вам пригодится в качестве свидетеля.

Первым делом надо позвонить в редакцию, объяснить, что я здесь вижу и что собираюсь делать. Маленькая, но страховка. Конечно, в провинции чтут столичных журналистов, но на Кавказе после чеченской кампании нас стали по-другому рассматривать. Внимание человека в шляпе может обернуться вниманием человека с пистолетом, не любящего лишних глаз. Да и в Москве... Помню, один вице-премьер, родом, между прочим, из близких ущелий, обещал мне яйца оторвать – за то, что косметическую правку в его интервью не внес. Потому что он сам передал ее уже после подписания номера...

По коридорам правительственного здания нашел депутатов, рядом с ними толковых местных журналистов. Картина примерно такая. Охранники Каитова, обвиняемые в убийстве семерых во главе с депутатом Народного собрания Расулом Богатыревым, объявлены были в розыск. Исполнители убийства найдены, задержаны в Петербурге, по телефону подробно рассказывали следователям, где искать трупы. Нашли расчлененные и полусторевшие останки.

До этого родственники погибших, стоявшие в бессрочном митинге перед Домом правительства в Черкесске, говорили, что не разойдутся, пока не будут найдены тела, поскольку не могут успокоиться, не похоронив близких. Теперь, казалось бы, их требование могло быть выполнено – оставалось только провести генетическую экспертизу и выдать каждой матери уцелевший фрагмент тела ее сына. Но вместо успокоения произошел очередной взрыв страстей.

Сегодня с утра, пока я летел и ехал, со всей республики начал собираться народ – родственниками у карачаевцев считаются близкие до седьмого колена. В родстве с погибшими оказались двадцать восемь фамилий, несколько десятков тысяч людей, почти половина всех карачаевцев. На площади собралось тысяч пять, они пересказывали, что некоторые автобусы с их соратниками были задержаны, в некоторых представители властей переписывали пассажиров, хотя митинг был разрешен. Родственники Богатырева прошли по кабинетам здания, в котором уместились и администрация президента, и парламент, и правительство КЧР, – приглашали ответственных людей выступить. Некоторые расписывались на приглашениях. Президент Батдыев не стал.

Обстановка накалялась: никто из приглашенных не вышел к памятнику Ленина, который указывал на вход в Дом правительства, а заодно служил импровизированной трибуной. Возбужденные дорогой с препятствиями, вестями о найденных телах, точнее – о надругательстве над ними, люди ждали несколько часов. Они заполнили площадь и сквер перед местным «Белым домом» – место историческое, помнившее рокот «студебеккеров» в ноябре 1943 года, увозивших от тогдашнего управления НКВД карачаевский народ в депортацию по приказу Сталина.

К родственникам семерых погибших присоединились родные других пропавших без вести – за последние четыре года в Карачаево-Черкесии исчезли около трехсот человек. К митингующим вышел Борис Карнаухов, руководитель следственной группы Генпрокуратуры, к тому времени задержавшей уже пятнадцать человек, причастных к преступлению. Митинг ждал от него подробного рассказа о последних событиях. Но микрофон вдруг отключили. Вокруг шли троллейбусы, горели светофоры, а вице-премьер Руслан Кочкаров объяснял людям, что, как ему сообщили, в городе отключен свет. Сорок минут он пытался связаться с электриками, ничего не получалось. То есть явно кто-то не хотел, чтобы итоги следствия были озвучены.

Близкие родственники ринулись от памятника по направлению ленинской руки – несколько сотен человек. Милиция стала их теснить, начались препирательства, толпа прорвалась сквозь щиты омовцев в вестибюль. Один из милиционеров выстрелил газовым зарядом, ворвавшиеся начали бить стекла – дышать! Оборонявшиеся врубили шланги, но даже грязная вода не охладила нападавших, в ход пошли камни с одной стороны и дубинки – с другой. Мальчишки подносили «снаряды» из соседних дворов, несколько милиционеров получили ранения, один солдат из внутренних войск – довольно серьезное. Были раненые и среди демонстрантов – в основном порезали руки о стекла. Их-то следы я и видел по стенам.

Уже стемнело, хожу вокруг вновь установленных заграждений, разговариваю с чинами из МВД, ФСБ, прокуратуры, полпредства российского президента на Кавказе. И со старожилками, и с теми, кого недавно, при первых раскатах скандала, перевели из Нижнего Новгорода, чтобы прижать местную мафию. Штурм пока явно не предвидится, по бульвару вокруг гуляют спокойные горожане, скопления людей в форме не видно. Пока...

Для себя стоит уяснить: была ли разница между Богатыревым и Каитовым, не было ли массовое убийство лишь формой разборки между криминальными кланами? Они же поехали всемером разбираться? Скорее всего, нет. Дело не в том, что Богатырев был белым и пушистым, а в том, что от президентского зятя, уже известного своим крутым нравом и неограниченными (для Черкесска) возможностями, силой вряд ли можно было добиться желаемого. Ну, допустим, они бы разнесли его дом – и что бы они делали в республике его тестя? Тяжба длилась уже давно, завод и обстановка вокруг него – на виду, не так уж много в Карачаево-Черкесии таких предприятий. Надо было как-то договариваться.

Возвращаюсь, легко пускают через барьеры – и в форме люди, и без формы. Очевидно, видят во мне какого-то посредника. В президентском кабинете народу поубавилось. Можно свободно поговорить с Фатимой.

– Скажите, а не мог Каитов бояться, что приехавшие к нему домой его самого застрелят?

– Ну, это же была обговоренная встреча, приехали же не боевики какие. Брат не был криминальным авторитетом, Расул, как и Каитов, был депутатом Народного собрания, был постарше его на семь лет, с ним приехал его двоюродный брат и друзья, вполне известные люди. А Каитенок жил по беспределу.

Каитенок... В двадцать два года Алиш стал гендиректором крупнейшего цементного завода, потому что стал зятем Батдыева. Предыдущего директора, племянника Батдыева, кто-то застрелил. А завод оказался в полном распоряжении клана после приватизации, которую в республике Батдыев, как раз, и проводил, знакомый с московскими приватизаторами с дней учебы. Потом он стал председателем Нацбанка, а уж после этого – и президентом.

Получается, что Мустафе Батдыеву можно предъявить что-то посерьезнее аморалки – и это связано с поведением его молодого и задорного зятя. Точнее, понятно, откуда у того счастливое состояние вседозволенности. Полез в голову старый спор со строчкой Бродского: "...но ворюги мне милей, чем кровопийцы". Без первых нет вторых – и вся история последних лет об этом. Может, и не одобряет Мустафа Батдыев своего психованного зятя, особенно сейчас – сидя где-нибудь в укрытии, но не было бы у Каитенка такой силы, если бы "тихие Альхены" не создавали почву. А во-вторых, и сами ворюги легко звереют, оберегая добычу.

Вот сидят эти семь женщин в чужом кабинете, ночь, кто вырвал их из обычной жизни, кто отнял ее – вместе с близкими им молодыми жизнями? Я тут что – моральная поддержка оставших? Делегат от свободного общества? Свидетель-журналист, который напишет заметку и поедет в следующую командировку? Сажу тут на приставном стуле у стеночки, а какой от меня толк? Ворвутся люди в форме – будут в своем праве: нарушены писанные законы, здесь даже не придется изощряться с огнеметом, как было два месяца назад в Беслане...

Что-то заболела голова. Медсестра, которая дежурила в предбаннике, смерила давление. Такого у меня давно не было. Кривовато получается: сестра пришла поддержать женщин, нахо-

дящихся в стрессе, а заниматься пришлось корреспондентом. Кто же крепче? Сделала укол – наступила расслабуха, но какая-то странная. Всплыла почему-то фраза одного коллеги сразу после назначения Ельциным преемника: “Представляешь, он приходит, а там уже все разделено, у него же ничего своего нет!” Мы-то как раз в той газете работали, чтобы не пришли его конкуренты, старая номенклатура, то есть коллега не издевался, а жалел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.